

УДК 94(571.150).08

ББК 63.3 (2Рос-4Алт)52

Эволюция административного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 80-х — первой половине 90-х гг. XIX в.*

А.Е. Кухаренко¹, А.В. Сквородников², Н.В. Куденко¹

¹Научно-исследовательская компания "Kuko.Science" (Барнаул, Россия),

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

The Evolution of the Administrative Framework of the Cabinet Land-Rental Economy in Altai in the 80s — the First Half of the 90s of 19th Century

A.E. Kukharencо¹, A.V. Skovorodnikov², N.V. Kudenko¹

¹Scientific Research Company "Kuko.Science" (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается процесс развития административной конструкции земельно-арендного хозяйства в Алтайском горном округе, которая была обозначена авторами как «административный каркас», в период между административными реформами 1883 и 1896 гг. Авторы анализируют появление и структуру Земельной части, которая должна была заниматься арендой в округе, а также указывают на то, что практически сразу стала понятна ее недостаточность. Прослеживается постепенное распространение обязанностей по надзору за арендаторами и сбору арендных денег к другим окружным структурам, приводится упрощенная управленческая модель земельно-арендного хозяйства. Эта модель состояла из горных чиновников, заведовавших арендой в заводских дачах; лесничих, занимавшихся оброчными статьями в пределах лесных массивов; смотрителей Боровых и Бурлинских соляных озер, надзиравших за арендными участками Кулундинской, Соляной и Карасукской степей; чиновников по сбору аренды, отвечавших в пределах закрепленного района за состоянием отрасли на остальных землях округа. Кроме того, периодически с помощью специальных командировок в каркас включались служащие окружной администрации. Авторы установили, что к концу рассматриваемого периода управление земельными и лесными ресурсами округа осуществляли 20 административно-хозяйственных единиц без четкого районирования и разделения обязанностей, что приводило к хаосу и путанице. Делается вывод, что административный каркас отставал от развития хозяйственного пространства земельно-арендных отношений и не мог обеспечить эффективное распределение нарастающей нагрузки. Это логичным образом подвело кабинетскую администрацию к новой реформе 1896 г.

The article considers the process of the land-rental economy administrative structure development in the Altai mining district, which was designated by the authors as the "administrative framework", between the administrative reforms of 1883 and 1896. The authors analyze the appearance and structure of the Land department, which was supposed to manage rent in the district, and also indicate that its insufficiency became clear almost immediately. The article traces the gradual spread of responsibilities for supervision of tenants and collecting rental money to other district structures and provides a simplified model of land-rental management, when mining officials managed rental in factory lands; foresters were engaged in managing rent within the forest; caretakers of Borovyе and Burlinskiy salt lakes — rental area of Kulundinskaya, Salt and Karasuks steppes; and rental officials — the rest of the land distributed among several areas. In addition, periodically, with the help of special trips, employees of the district administration were included in the framework. The authors found that by the end of the period under review, 20 administrative units without clear zoning and division of responsibilities managed the district's land and forest resources, leading to chaos and confusion. The authors conclude that the administrative framework lagged behind the development of the economic space of land-rental relations and could not ensure the efficient distribution of the growing load, which logically led the cabinet administration to the new reform of 1896.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00439.

Ключевые слова: Алтайский горный округ, Кабинет его императорского величества, земельная аренда, земельно-арендная отрасль, администрация.

Key words: Altai mining district, Cabinet of His Imperial Majesty, land lease, land lease industry, administration.

DOI 10.14258/izvasu(2019)6-04

Трансформация и модернизация алтайского производственно-территориального комплекса во второй половине XIX — начале XX в. после кардинальных реформ 60-х гг. XIX в. сопровождалась радикальной ломкой существовавшей в регионе структуры отношений. Одной из характерных особенностей данного периода стала сложная и противоречивая динамика взаимодействия связанных друг с другом явлений. Разрушение прежних устоев, необходимость обновления и естественная потребность в нововведениях сочетались со стагнацией, желанием сохранить прежние порядки в новой системе отношений, неготовностью к изменениям. Серьезные, глубинные реформы, радикальным образом трансформировавшие архитектуру административно-хозяйственной системы Алтайского округа и влиявшие на все сферы жизни общества, сменялись попытками взять эволюцию алтайского производственно-территориального комплекса под контроль, что приводило к смене модели управления и созданию новых управляющих структур.

В результате при внешне и формально затяжном характере эволюции кабинетского округа и многих его элементов фактически происходила радикальная внутренняя трансформация всех систем отношений в регионе. Она сопровождалась противоречивыми, взаимодополняющими и взаимоисключающими процессами, где важную роль играла конкуренция людских представлений о ситуации и положении округа в системе императорской власти. В конечном счете, динамика эволюционного процесса и гремячая смесь составляющих его элементов вылились в довольно яркий пример интенсификации административно-хозяйственной деятельности в начале XX в. Несмотря на такой итог, фактически уже с периода 1855–1863 гг. система находилась в состоянии нестабильности, а ее эволюция носила крайне неравномерный характер. В таких условиях повышалось влияние отдельных личностей или групп административного персонала на развитие алтайской административно-хозяйственной системы.

В этом кипящем котле процессов и состояний наиболее интересное положение занимало земельно-арендное хозяйство. Отрасль находилась на стыке самых разнообразных социально-экономических и административных процессов региона, что хронологически совпадало с запуском и постепенным развертыванием кардинальных капиталистических изменений в административно-хозяй-

ственной структуре Алтайского горного округа, выступая прекрасным маркером сложной динамики процессов модернизации и трансформации всего комплекса.

Ранее (см. статью: Формирование административно-хозяйственного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1883 гг. [1, с. 61–66]) мы рассмотрели формирование земельно-арендных отношений в округе в период с 1855 по 1883 г. и предложили для их анализа «каркасную модель», которая дала возможность понять и объяснить характер развития земельно-арендного хозяйства, а также интерпретировать, реконструировать и систематизировать большое количество разнообразных и часто разрозненных фактов. Там же нами были представлены методологические основы исследования и анализ историографии по данному вопросу. Был сделан вывод, что историография характеризуется в основном фрагментарным и отрывочным рассмотрением вопросов земельно-арендных отношений в Алтайском (горном) округе [1, с. 62]. Это позволяет нам сослаться на данную информацию и ряд других публикаций, посвященных этому вопросу [2; 3]. Усложнение и интенсификация земельно-арендных отношений в округе с 1883 по 1896 г. вызывает потребность продолжить анализ ситуации в отрасли, сделав акцент на административной составляющей этого процесса, и оставить на время без внимания его хозяйственную сторону.

В результате практиковавшегося догоняющего типа управления и прецедентного характера действий ведомственной бюрократии в земельно-арендной сфере с 1856 г. происходило поступательное накопление оброчных статей и формирование определенных административно-хозяйственных зон, разбросанных по округу. К рубежу 1870–1880-х гг. они сложились в то, что мы в своем исследовании обозначили как «каркас земельно-арендной отрасли», сформировав основную пространственную структуру развития земельно-арендных отношений в округе.

Отправными событиями и ключевыми моментами рассматриваемого периода в развитии земельно-арендной отрасли стали ревизия Алтайского горного округа 1882 г. и административная реформа 1883 г. Первая показала ценность и перспективность земельных и лесных ресурсов края, вторая серьезным образом трансформировала имевшуюся управленческую структуру, введя принцип единоначалия,

ликвидировал коллегиальные учреждения, обновив и создав новые органы. Среди них находилось специализированное подразделение в Главном управлении Алтайского горного округа — Земельная часть, представленная 18 служащими во главе с помощником начальника округа. Особое место в Земельной части заняли три чиновника по сбору аренды [4, л. 307об.]. Само название «чиновник по сбору аренды» отразило понимание предшествовавшего периода развития земельно-арендной отрасли — финансово-фискальная деятельность без серьезной работы по организации арендного пространства. Заслуживает внимания состояние Лесной части, так как она в интересующий нас период играла важную роль в административном каркасе земельно-арендной отрасли, выступая источником административного сопровождения для оброчных статей. Изменения в Лесной части коснулись лишь численности этого подразделения, рассчитанного на обслуживание 9 лесничеств.

Новая система руководства земельно-арендной отраслью не обладала стабильным районированием, но предполагалось, что чиновники по сбору аренды охватят все пространство отрасли, заменив собой сложившийся административный каркас. По замыслу реформаторов, заводу управления были освобождены от заведования оброчными статьями в своих горнозаводских дачах, поэтому уже с 1883 г. происходила передача дел из подчинения заводов, рудников и других учреждений в управление чиновников по сбору аренды. Чиновник разных поручений Айдаров, управлявший Бель-Агачской степью с 1875 г., был заменен в 1884 г. чиновником по сбору аренды Назимовым. Другие чиновники по сбору аренды были распределены по территории округа, но районы их деятельности постоянно менялись, не имея четкой фиксации. При этом Бель-Агачская степь составляла 4% округа, поэтому теоретически 96% остального пространства должны были управлять двое других чинов, что в реальности было невозможно [4, л. 307об.–308; 5, с. 184; 6, л. 6об.–9; 7, л. 34]. Более того, даже назначение Назимова в Бель-Агачскую степь не имело четкой территориальной фиксации.

Поэтому практически сразу, помимо чиновников по сбору аренды, стали использовать дополнительных служащих, командированных в определенные районы [4, л. 309; 8, л. 119–119об.; 9, л. 67; 10, л. 21–22, 46–46об.]. Уже с 1883 г. в управление оброчными статьями включили лесничих, подлесничих и кондуктора [11, л. 34–34об.; 12, л. 26; 13, л. 31, 32]. Привязка их к территории была довольно аморфной и расплывчатой, претерпевала постоянные изменения. В то же время она имела более четкое районирование по сравнению с Земельной частью, внося стабильный элемент в управление земельно-арендным хозяйством.

Постепенно опыт и реальная практика подводили к утверждению территориально-комплексного подхода в управлении на местах. Этому способствовали не только масштабы округа и малочисленность административного аппарата, но и небольшое число оброчных статей. В докладе окружного лесничего А.Т. Фролова за 1884 г. о сборе арендных денег в Абаканском подлесничестве содержится заявление, что в будущем заведование оброчных статей, вероятно, войдет в обязанность лесных чинов, что будет удобнее и выгоднее Кабинету [11, л. 34–34об.; 12, л. 26]. Точно также происходило внедрение арендных чиновников в структуру лесной администрации на правах лесничих или подлесничих, став вполне распространенным явлением в первой половине 1890-х гг. [4, л. 283; 13, л. 31, 32; 14, л. 40об.; 15, л. 72].

Закономерным шагом в этом же направлении явилось возвращение в 1885 г. заводу управления обязанностей по заведованию оброчными статьями в своих дачах. Это отразило ресурсную невозможность администрации обходиться незначительным кадровым составом и ошибочность ликвидации результативной системы горных администраций в качестве звеньев каркаса, тем более, что фактически горные управления в 1883–1885 гг. не прекратили деятельности в данной сфере и продолжали взимать аренду [4, л. 309; 16, л. 2]. С появлением других элементов каркаса горные управления взяли на себя также и роль промежуточных звеньев между окружной администрацией, лесничими, чиновниками по сбору аренды и др., осуществляя коммуникацию и оборот финансовых средств [13, л. 28; 16, л. 137–137об., 170–170об., 173–173об., 181–181об.; 17, л. 125–126]. Во второй половине 1883 г. Н.И. Журин провел сбор информации для составления сметы на 1884 г., что позволило нам выявить структуру определенной части административного каркаса земельно-арендной отрасли. В нее входили Барнаульский, Павловский, Локтевский, Змеевский, Сузунский, Колыванский заводы, Салаирский, Риддерский и Сокольный, Зырянский и Заводинский рудники, смотритель Усть-Каменогорской пристани, управляющий медными рудниками. Арендные платежи сосредоточивались и в кассе Гурьевского заводского управления. Однако основная масса арендных денег шла в Главное окружное управление [7, л. 5–5об.; 18]. Логичность и неизбежность этого шага были очевидны, так как к середине 90-х гг. XIX в. объем арендных поступлений от горной администрации вырос в 3–4 раза [18; 19, л. 186, 187]. Кроме того, для более успешного выполнения функций заведования оброчными статьями горнозаводским управлениям стали выделять суммы на наем специальных лиц или увеличение содержания служащим, которые брали на себя дополнительные функции не в ущерб прямым обязанностям. Но неопределенность в этой

части каркаса оставалась, так как горнозаводские дачи могли поступать и под управление чиновника по сбору аренды [4, л. 309; 16, л. 84]. Так или иначе, в 1880-е гг. участие горнозаводских управлений в административном каркасе отрасли только возросло, завершившись в 1894 г. формальным закреплением такого положения дел.

Точно определить характер административно-хозяйственного деления округа на рубеже 80–90-х гг. XIX в. не представляется возможным из-за сильной запутанности явления, но основная часть каркаса в 1888 г. представляла собой 15 местных земельно-лесных учреждений, среди которых насчитывалось 12 лесничеств и три арендных района [20, л. 14об.–15]. Первая половина 90-х гг. XIX в. отмечена внедрением в административный каркас земельно-арендной отрасли смотрителей за соляными озерами, которые не только занимались заведованием соляными ресурсами, но и сдавали соседние участки в аренду. Положение смотрителей, характер их деятельности и бланки с пометками «чиновников по сбору аренды» [10, л. 105–106об., 121–122об.] позволяют отнести их к некоей промежуточной форме. Упрощенно действовавшую к началу 90-х гг. XIX в. управленческую модель отрасли можно описать следующим образом: горные чиновники заведовали арендой в заводских дачах; лесничие занимались оброчными статьями в пределах лесных массивов; смотрители Боровых и Бурлинских соляных озер — арендными участками Кулундинской, Соляной и Карасукской степей; чиновники по сбору аренды — остальными землями, распределявшимися между тремя основными районами. На уровне временного и промежуточного элемента в каркас включались служащие окружной администрации, которых командировали в отдельные районы. Соучастие в заведовании оброчным хозяйством представителей различных окружных структур — характерная черта политики Кабинета в этой сфере. В результате для определения всего разношерстного административного каркаса появился специальный термин — «заведующие арендными статьями» [4, л. 309–309об.; 14, л. 17, 25; 17, л. 115, 157–159].

Отмеченный характер эволюции административно-хозяйственного пространства приводил к утверждению территориально-комплексного принципа руководства на местах, объединявшего лесное и земельное хозяйство. Он был фактически закреплен в 1894 г. благодаря инструкции для всех чиновников, которые занимались организацией аренды в округе [14, л. 60–65]. Передача чиновникам по сбору аренды руководства переселенческими участками только закрепила эту динамику. Само содержание инструкции разрабатывалось на совещаниях помощника по земельной части, окружного лесничего и делопроизводителя [14, л. 38–41, 42–49об.]. В ин-

струкции также закреплялась роль горных управлений не только как части административного каркаса земельно-арендной отрасли, но и как финансового каркаса всего окружного хозяйства, используя их как кассы на местах.

В целом в 80-е — первую половину 90-х гг. XIX в. реальная практика хозяйствования по эксплуатации земельного имущества арендой показала, что существовавшее административное пространство с трудом охватывало развивавшуюся более быстрыми темпами хозяйственную составляющую земельно-арендной отрасли. Не случайно кабинетская администрация была вынуждена активно использовать гражданскую систему управления для руководства «вторичным пространством» [1, с. 64], усилить взаимодействие с ней и даже создавать новые формы контроля. Примером последнего может служить организация полицейского участка в Бель-Агачской степи, частично оплачиваемого Кабинетом [5, с. 81; 8, л. 22–23об.; 10, л. 62–64об., 67–68об., 87, 88–92об., 213–213об.; 16, л. 98–99, 138–139; 17, л. 157–159; 21, л. 26; 22, л. 1об. –2, 23; 23, л. 452; 24, л. 34об., 47–47об.].

Фактически выборные волостные структуры к середине 90-х гг. XIX в. стали полноценным, но малоэффективным участником административного каркаса. Одновременно шел процесс выработки примерной концепции организации земельно-арендного пространства, которая стала реализовываться в 80–90-е гг. XIX в. Концепция включала в себя следующие меры: «приведение земель в известность» и разделение свободных территорий на участки для сдачи в аренду; проверка имевшихся арендаторов; составление арендной книги; создание арендных правил для определения взаимоотношений администрации и арендаторов; организация эффективного контроля над отраслью; проведение мер, препятствующих выпашиванию земель округа [4, л. 307–307об.; 24, л. 3об.]. Аренда распространялась на новые территории округа, насыщалась новыми формами организации и управления. Построение земельно-арендного хозяйства фактически происходило в пределах административно-хозяйственного каркаса путем создания локальных очагов, насыщенных арендными отношениями. Однако динамика развития каркаса и вторичного административно-хозяйственного пространства свидетельствовала о стремлении чиновников постепенно преодолеть территориальную ограниченность. Все более возрастающее внимание со стороны окружного руководства стали уделять регулированию и цементированию каркаса за счет нормативного пространства и отчетно-учетных процедур. Фиксация хозяйственного пространства происходила путем поступательного развития договорных основ арендных отношений.

Важнейшими мероприятиями этого периода, на наш взгляд, являлись радикальные изменения таксационной политики и активные процессы межевания, что вместе с упорядочиванием процесса управления имуществом обеспечило рост доходов от отрасли в 90-е гг. XIX в.

Поэтому уже на этапе становления новой структуры административного каркаса земельно-арендной отрасли возникла концепция, сформированная помощником по земельной части А.А. Вагановым. Суть ее состояла в увеличении числа «арендных чиновников», повышении самостоятельности местных органов административного управления и децентрализации окружной власти через разделение округа на участки и постоянного нахождения на них ответственных лиц. А.А. Ваганов обосновал принцип «подвижности» администрации для эффективности осуществления контроля, который, на наш взгляд, точно отражал характер дальнейшей эволюции административного каркаса в его погоне за расширением хозяйственного пространства [24, л. 8–586].

Достигнутого к середине 90-х гг. XIX в. количества административно-хозяйственных территориальных единиц было недостаточно, чтобы обеспечить адекватное, оптимальное и эффективное управление земельно-арендной отраслью, не говоря уже о нехватке объездчиков, лесников, сторожей и др. В результате процесс постепенного и поступательного развития аренды в округе приводил к стремительному увеличению нагрузки на администрацию. Совокупными последствиями такого состояния стало углубление процессов территориально-комплексного руководства на местах, а также предложение новых проектов по реформированию штатов округа в 1888 и 1894 гг. Они в целом отражали общую тенденцию эволюции административного каркаса в сторону территориально-комплексного охвата районов, объединения функционала Лесной и Земельной частей и необходимости чиновников проживать на территории заведования [25, л. 32об.–35, 37(6)–59об.; 26, л. 28–33, 44–45об.; 27, л. 2]. Примечательным фактом эволюции административного каркаса стало предложение в 1894 г. создать промежуточные структуры между окружной администрацией и местными звеньями для повышения эффективности управления [14, л. 38–49об.]. В конечном счете, именно предложения 1894 г. легли в основу реформы 1896 г.

Проблема административно-хозяйственного деления округа в 1883–1896 гг. является запутанным и слабо изученным вопросом. Различные разрозненные данные, в том числе информация помощника по земельной части 1894–1896 гг. Е. Недзвецкого, свидетельствуют о том, что в этот период существовало 20 административно-хозяйственных единиц. С небольшими изменениями они сохра-

нялись вплоть до реформы 1896 г. [12, л. 26об.; 14, л. 40–40об., 43об.; 20, л. 14об.–15; 26, л. 44об.; 27, л. 2–2об., 22; 28, л. 1–3об., 4–4об., 5–7об., 8–8об., 9–11, 12, 13–13об., 14–15, 16–16об., 17–19, 23–23об., 24–27, 28–28об., 29–29об.; 29, л. 10].

Управление лесничествами было вверено 11 лицам со специальным лесным образованием, из которых одно находилось в должности чиновника по сбору аренды, и трем служащим, не имевшим такового. С учреждением в 1894 г. трех новых должностей подлесничих их общая численность достигла 31. Причем одного из них, как и раньше, прикомандировывали к окружному лесничему. Другие данные указывают, что число 31 возникло путем объединения 24 вольнонаемных подлесничих и 7 кондукторов [27, л. 22об.; 29, л. 10]. Подчеркнем, что количество подлесничих еще не означало наличия равного им числа административно-хозяйственных единиц.

В 1894 г. насчитывалось четыре чиновника по сбору аренды: Михельсон (Бель-Агачский район), Бородухо (северо-западная часть округа), Семашко (Бийский район) и Недельский (Змеиногорский район). Появление последнего, на наш взгляд, связано как раз с новациями 1894 г. [10, л. 421–421об.; 15, л. 72]. Если прибавить к ним смотрителей за Боровыми и Алеусскими соляными озерами, которые фактически были чиновниками по сбору аренды, то получим 6 административно-территориальных образований. Добавляя к ним 13 лесничеств и одно подлесничество, выходим на цифру в 20 административно-хозяйственных районов.

Однако создание 20 административно-хозяйственных единиц не привело к качественно новому состоянию отрасли в силу нехватки кадров, что вызвало пересечение властных полномочий разных лиц в одних районах [26, л. 44об.]. На наш взгляд, административная политика достигла определенного рубежа, когда были осознаны тенденции, перспективы и цели, но не делался новый шаг. В 1894–1896 гг. была предпринята попытка изменить каркас в рамках прежней конструкции, что привело скорее к росту хаотичности.

Тем не менее можно сделать вывод, что единый административный каркас земельно-арендной отрасли формировался преимущественно путем слияния двух управленческих структур. В результате в него вошли чиновники по сбору аренды и лесничие, которые брали на себя функции параллельной системы. При этом структура районов чиновников по сбору аренды, лесничих и подлесничих была очень динамичной, неопределенной, изменчивой и сумбурной. Свой вклад вносили и горнозаводские управления, но в целом их можно считать устаревшими частями административного каркаса отрасли. Получили полномочия по управлению районами и новые должностные лица. Смотрители Боровых

и Бурлинских соляных озер начали руководить арендой в Кулундинской, Соляной и Карасукской степях. Промежуточной формой выступали командированные от Главного управления в те или иные районы чиновники [4, л. 309об.; 15, л. 77]. В результате внедрение комплексного руководства территориями на рубеже 80–90-х гг. XIX в. привело к проведению реформы 1896 г., реализовавшей принцип территориально-комплексного руководства хозяйственным пространством на уровне имений.

В условиях сложных процессов диверсификации и переориентации хозяйства, весьма туманного и неясного будущего, совершенно непонятных перспектив, неопределенных целей и задач развития округа комплексное руководство на местах выступало оправданным, более органичным для данного этапа принципом. Он позволял не столько реагировать на развитие отдельных отраслей, сколько руководить округом в целом, в совокупности всех его элементов.

Библиографический список

1. Кухаренко А.Е., Сквородников А.В., Куденко Н.В. Формирование административно-хозяйственного каркаса земельно-арендного хозяйства Кабинета на Алтае в 1855–1883 гг. // Известия Алт. ун-та. Серия: Исторические науки и археология. 2018. №2 (100).
2. Кухаренко А.Е. Дореволюционная и советская историография земельно-арендной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе // Известия Алт. ун-та. Серия: История, политология. 2012. 4/2(76).
3. Кухаренко А.Е., Соболева Т.Н. Историография земельно-арендной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе на рубеже XX–XXI вв. // Известия Алт. ун-та. Серия: История, политология. 2013. 4/2(80).
4. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 156.
5. Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 23. Д. 930.
7. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 567.
8. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 536.
9. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 680.
10. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 787.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 24. Д. 31.
12. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 764.
13. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 998.
14. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2143.
15. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2659.
16. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 755.
17. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144.
18. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 50.
19. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1628.
20. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1137.
21. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 992.
22. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 805.
23. ГААК. Ф. 3. Оп. 1. 908.
24. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 895.
25. РГИА. Ф. 468. Оп. 22. Д. 804.
26. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 41.
27. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2302.
28. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2313.
29. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 3993.